

Фридрих Шиллер

О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках.

[Новая система общественного устройства... – Имеется в виду феодальный строй.], рождённая на севере Европы и Азии и установленная новыми народами на руинах Западной империи, теперь уже имеет почти семивековую давность – срок достаточно длительный, чтобы испытать себя на этой новой, более обширной арене и в новых соотношениях, развиться во всех своих видах и разновидностях и пройти через все свои различные формы и изменения. Потомки [...вандалов, свевов, аланов, готов, герулов, лангобардов... – Вандалы – восточно-германское племя, обитавшее по Одру. Во II в. вандалы начинают продвигаться на юг, в 174 г. они были расселены императором по Дунаю, в римской провинции Дакии. В тридцатых годах IV в., вытесненные отсюда вестготами, они перешли на запад в Папиилю, а затем под напором гуннов в Галлию и далее совместно с аланами и свевами в Испанию. Отсюда, снова вытесненные вестготами, вандалы во главе с королём Гейзерихом переправились в 429 г. в Африку. В 439 г. ими был взят Карфаген, в 455 г. захвачен и разграблен Рим, при этом было уничтожено большое количество памятников культуры. Неистовства вандалов во время их двухнедельного пребывания в Риме стали нарицательными – отсюда самое слово «вандализм». Созданное вандалами в Северной Африке государство пало в 533 г. под ударами византийских войск. Свевы – сорбирательное название германских племён, обитавших между Эльбой и Одером. В начале V в. вторглись вместе с аланами и вандалами на Пиренейский полуостров. Аланы – северокавказское племя, предки современных осетин. В IV в. аланы были покорены гуннами и приняли участие в походах последних. Часть аланов в начале V в. вторглась совместно с вандалами и свевами в Испанию, а затем переправилась в Африку. Готы – группа восточногерманских племён, утвердившаяся в III в. в Северном Причерноморье. Готские племена, осевшие по Днестру, получили название вестготов (западных готов), а по Днепру – остготов (восточных готов). Остготы были в 375 г. разбиты гуннами; часть остготов покорилась гуннам, другая их часть поселилась в Паннонии к северу от Дуная. Вестготы, теснимые гуннами, перешли в 376 г. через Дунай и поселились в римской провинции Мезии. Они возглавили ряд восстаний варваров и рабов против Рима; в 410 г. вестготы, возглавляемые Аларием, взяли Рим. Вскоре, однако, вестготы покинули пределы Италии и основали в 419 г. в Аквитании (юго-западная часть Галлии между реками Луарой и Гаронной) первое варварское государство. В середине V в. вестготы завладели Испанией, вытеснив отсюда вандалов и аланов. Только северо-западная часть Испании осталась в руках свевов, основавших здесь своё государство. В 493 г. остготы основали в Италии своё государство; в 554 г. остготское государство было разгромлено византийскими войсками. Герулы – одно из северных германских племён, в III в. совместно с готами переселились в Причерноморье, а затем в Паннонию. Лангобарды – германское племя, обитавшее в устье Эльбы. К VI в. лангобарды продвинулись на юг в Паннонию, где соединились с герулами и племенем рушев. В 568 г. лангобарды завоевали Северную Италию и основали здесь королевство (отсюда название Ломбардия). Лангобардское государство было разгромлено в конце VIII в. франками и присоединено к державе Карла Великого (768 – 814).], франков, бургундов и многих других народов прижились, наконец, на земле, которую их предки захватили вооружённою рукой; [...]но дух странствий и разбоя, приведший их в это новое отечество, опять пробудился в них на исходе одиннадцатого века... – Имеются в виду крестовые походы, начавшиеся в 1096 г. и окончившиеся в 1270 г.], в иной форме и по иным причинам. Европа теперь с лихвой отплатила юго-западной Азии за те нашествия и опустошения, которые она претерпела семьсот лет назад, когда в неё вторглись орды с севера той же Азии. Однако Европе посчастливилось значительно менее: если варвары, ценой потоков крови, сумели создать в Европе вековечные государства, то теперь их христианским потомкам пришлось пролить столько же крови, чтобы [...]завоевать в Сирии всего лишь несколько городов и замков, которые двести лет спустя им суждено было потерять вновь – и навсегда... –

Шиллер Ф. О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках filosoff.org
Завоевания крестоносцев в Азии достигали наибольших размеров в середине XII в. и занимали прибрежную полосу Сирии и Палестины, простираясь в некоторых пунктах вглубь страны. На этой территории были расположены государства крестоносцев: королевство Иерусалимское, княжество Антиохия, графство Триполи и графство Эдесса (образованное частично на армянских землях). Уже к концу XII в. эти владения сильно сократились. Последняя крепость крестоносцев – Акра пала в 1289 г.].

Безумие и ярость, породившие замысел крестовых походов, и насилия, сопровождавшие его осуществление, не могут быть заманчивыми для взора, привыкшего ограничиваться современностью. Но если мы будем рассматривать это событие в связи как с предшествующими ему, так и с последующими веками, то его возникновение покажется нам настолько естественным, что не возбудит в нас удивления, и настолько благодетельным по своим последствиям, что наше неодобрение превратится в совсем иное чувство. Если вникнуть в причины этого похода христиан в Святую землю, то он представится столь необходимым и даже неизбежным порождением своего века, что человек, совершенно неосведомлённый, сам должен был бы напаст на ту же мысль, если только ему подробно изложить исторические предпосылки этого явления. Если же вникнуть в следствия, то в этих походах можно усмотреть первый значительный шаг, посредством которого суеверие само начало исправлять зло, веками причинявшееся им роду человеческому, и, быть может, нет другой исторической проблемы, которую время разрешило бы столь исчерпывающе и в отношении коей гений, прядущий нить мировой истории, мог бы так убедительно оправдать себя перед человеческим разумом.

Мы видим, как человечество из неестественного и обессиливающего покоя, в который древний Рим погрузил все подавшие под его власть народы, из расслабляющего рабства, при помощи которого он задушил самые деятельные силы бесчисленного множества людей, вступает в беззаконную, бурную свободу средних веков и, наконец, обретя после долгих блужданий отдых в счастливом равновесии между двумя крайностями, благотворно сочетает свободу с порядком, покой – с деятельностью, многообразие – с согласием.

Едва ли можно даже ставить вопрос о том, следует ли считать успехом, по сравнению с самой блестательной порой, в каком когда-либо находилось человечество, то счастливое состояние, которым мы наслаждаемся или приближение коего по крайней мере безошибочно распознаем; стали ли мы действительно совершеннее по сравнению с самыми лучшими временами Рима и Греции. Самое большее, что могли производить Греция и Рим, это – превосходных римлян, превосходных греков, однако [...даже в самую блестательную свою эпоху нация никогда не возвышалась до создания превосходных людей... – Здесь нашли отражение ошибочные взгляды Шиллера на развитие человеческого общества в форме наций, как на пройденный этап в истории.]. Варварской пустыней представлялся афинянину весь мир, кроме Греции, и нам известно, что, размышая о своём счастье, он очень высокоставил превосходство своей страны. Римляне своею же рукой были наказаны за то, что на всей великой территории своего владычества не оставили ничего, кроме римских граждан и римских рабов. Ни одно из наших современных государств не может даровать право римского гражданства; но зато мы обладаем таким благом, о котором ни один римлянин, если он хотел им оставаться, не смел и помышлять. А мы приемлем его из такой руки, которая ни у кого не отнимает того, что дарует другому, и, однажды даровав, никогда не берёт обратно, – мы обладаем свободой человека, благом, которое – в резком отличии от гражданства римлянина! – растёт в цене по мере того, как множится число тех, с кем мы его разделяем, и которое, не завися ни от каких изменчивых форм правления, ни от каких государственных потрясений, поконится на твёрдой основе разума и справедливости.

Итак, успех очевиден, и весь вопрос в том, не было ли более краткого пути к достижению той же цели? Не могла ли эта благотворная перемена не столь насилиственно развиваться из римского государства, и так ли уж необходимо было человечеству пройти через печальный промежуток от четвёртого до шестнадцатого столетия?

Разум не выдерживает существования в анархическом мире. Всегда стремясь к согласованности, он предпочитает безуспешно защищать порядок, нежели равнодушно отказаться от него.

Были ли великое переселение народов и последовавшее за ним средневековые необходимой предпосылкой для наших лучших времён?

Азия может дать нам кое-какие разъяснения. Почему не расцвели, следом за походами Александра, какие-нибудь свободные греческие республики? Почему мы видим, как Китай, обречённый на унылое прозябанье, стареет в вековечном младенчестве? Потому что Александр в своих завоеваниях был человечен, потому что [...] горсточка его греков исчезла среди миллионов великого царя... – дария III Кодомана (336 – 330 гг. до н. э.), держава которого была разгромлена греко-македонскими армиями. Хотя армия завоевателей действительно растворилась в местном населении, однако греческое завоевание оставило заметный след в истории покорённых стран. Держава Александра распалась после его смерти (323 г. до н. э.), и на её территории возникли новые, так называемые эллинистические государства с экономикой и культурой, значительно отличавшимися от предшествующей эпохи.], потому что [...] орды маньчжуротов незаметно затерялись в необъятном Китае... – Имеется в виду завоевание Китая маньчжурами в XVII столетии. В начале XVI в. маньчжурские племена, занимавшиеся главным образом охотой и скотоводством, были ещё разрознены. В роли объединителя страны выступил крупный местный феодал Нурхаци (1559 – 1626). Создав объединённую так называемую «восьмизнамённую» армию, Нурхаци начал борьбу против Китая. В этот период в Китае ширилось антифеодальное движение китайского крестьянства, вылившееся в мощное народное восстание. В 1644 г. повстанцы под руководством Ли Цзы-ченя овладели Пекином и свергли династию Мин. Преемник Нурхаци – Абахай, воспользовавшись помощью китайских феодалов, предавших родину, нанёс поражение Ли Цзы-ченю, овладел Пекином и объявил себя в 1644 г. китайским императором. Его преемники (династия Цин) правили Китаем до 1911 г. Войска маньчжур были размещены в важнейших пунктах и пограничных крепостях Китая. Маньчжуры, стоявшие на более низкой ступени развития, не оказали почти никакого влияния на развитие страны и вскоре были ассимилированы местным населением.]. Покорены были только люди; законы и обычаи, религия и государство остались победителями. Для деспотически управляемых стран – спасение только в гибели. Милосердные завоеватели, направляя туда поселенцев, питают хилое тело и могут лишьувековечить его недуг. Для того чтобы зачумленная страна не отравила здорового победителя, для того чтобы немец в Галлии не выродился в римлянина, как грек в Вавилоне выродился в перса, должна была быть разбита форма, которая могла стать опасной для него при свойственном ему духе подражания, и на новой арене, куда он теперь вступал, он должен был во всех отношениях оставаться более сильной стороной.

[Разверзается скифская пустыня и извергает на западные страны суровое племя... – Скифией античные авторы называли Причерноморские и Приазовские степи. В середине IV в. за Доном сложился большой союз племён во главе с племенем кочевников монгольского происхождения – гуннов (китайское название – хунну). В 375 г. гунны разгромили остготов и двинулись на Европу. Их продвижение сопровождалось невиданными жестокостями и наносило непоправимый ущерб экономике древних земледельческих народов. В 451 г. римский полководец Аэций нанёс гуннам, предводительствуемым Атиллой, поражение на Каталаунских полях (нынешняя Шампань). После смерти Атиллы в 453 г. гуннский союз распался.]. Кровью отмечен его путь. Города, где оно прошло, обращены в пепел, с равной яростью топчет оно произведения рук человеческих и плоды полей. Чума и голод подбирают то, что забыли уничтожить огонь и меч. Но жизнь гибнет лишь для того, чтобы на её месте зародилась лучшая жизнь. Не будем вести счёт ни трупам, нагромождённым этими полчищами, ни сожжённым дотла городам. Более прекрасными воздвигнет их побуждающая к труду Свобода, и лучшее поколение людей будет обитать в них. Все творения красоты и великолепия, роскоши и изощрённости гибнут; драгоценные памятники, сооружённые на веки вечные, рушатся, рассыпаются в прах, и буйный произвол хозяиничает в сложном механизме искусного порядка. Но и в этой дикой сумятице трудится рука порядка, и та доля сокровищ былых времён, которой суждено стать достоянием грядущих поколений, незаметно спасается им от разрушительной ярости современников. Мрак запустения расстилается теперь над этим обширным пожарищем; немногие измученные, жалкие жители, которые ещё уцелели, не представляют для нового победителя ни враждебной силы, ни соблазна.

Теперь сцена очищена, и новая порода людей занимает её; тихо и незаметно для неё самой мужала она веками в северных лесах, дабы стать оздоровляющей колонией для истощённого Запада. Грубы и дики её законы, её нравы; но они на свой грубый лад чтут природу человеческую, которую самодержец не читит в своих изнеженных рабах. [Неизменный, словно он всё ещё на салической почве, и не соблазняемый дарами, которые подносит ему покорённый римлянин, франк

Шиллер Ф. О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках filosoff.org остаётся верен законам, давшим ему победу... – Салическими франками назывались племена, обитавшие по нижнему течению Рейна. Салический закон (*lex salica*), или «Салическая правда», – запись на латинском языке судебных обычаев франков. Держава франков достигла наибольшего могущества при Карле Великом (768 – 814).]. Он слишком горд и мудр, чтобы из рук несчастливцев принимать то, что нужно для счастья. На пепелище римского великолепия раскидывает он свои кочевые шатры, вонзает в завоёванную землю железное копьё, самое ценное своё достояние, водружае его перед судилищами, и даже христианство, если оно хочет привязать дикаря к себе, вынуждено опоясываться грозным мечом.

И вот все чужие руки отстраняются от сына природы. Рушатся мосты между Византией и Марселем, между Александрией и Римом; робкий купец спешит домой; соединявший страны корабль лежит без мачт на берегу. Пустыня вод и гор, мрак диких нравов вплотную подступают к вратам Европы, вся эта часть света отныне заперта.

Начинается длительная, тяжёлая и примечательная борьба: грубый германский дух борется с соблазнами нового неба, с новыми страстями, со спокойной силой примера, с наследием повержнутого Рима, который на новой родине всё ещё расставляет ему тысячи сетей. [И горе преемнику какого-нибудь Клодиона, если он на властительском подиуме Траяна возомнит себя Траяном! – Клодион (ум. около 447 г.) – один из вождей франкских племён. Траян – римский император в 98 – 117 гг. Подиум – подножие императорской ложи.] Тысячи клинов сверкнут, чтобы напомнить ему о скифских дебрях. Бурно сталкивается властолюбие со свободой, упрямство с твёрдостью, хитрость стремится опутать доблесть, воскресает жестокое право сильного, и веками не остывает дымящаяся сталь. Унылая ночь, помрачающая все умы, нависла над Европой. Лишь изредка взлетают светлые искры, и тьма после них кажется ещё ужаснее. Вечный порядок как будто покинул кормило вселенной или же, преследуя какую-то дальнюю цель, отрёкся в те времена от людей. Всё же, подобно матери, равно пекущейся о всех своих детях, он пока даёт изнемогающим приют у подножья алтарей и смиренiem веры закаляет сердца против мытарств, избавить от которых не может. Нравы он поручает охране одичавшего христианства и позволяет среднему поколению опираться на тот шаткий костыль, который, разломав его, отнимет у более сильного внука. Но в этой долгой войне распаляются и государства и жители. Стойко защищается немецкий дух от сковывающего сердца деспотизма, который подавил слишком рано уставшего римлянина; родник свободы бьёт животворной струёй, неукрошённым и сохранным достигает более позднее поколение той прекрасной поры, когда, наконец, благодаря дружным стараниям Счастья и Человека свет мысли соединится с мощью решимости, прозорливость – с геройством. [Когда Рим ещё рождал Сципионов и Фабиев... – знатные патрицианские роды. Их наиболее видные представители: Публий Корнелий Сципион Африканский Старший, разгромивший карфагенян в битве при Заме в 202 г. до н. э.; Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший – крупный полководец, выигравший третью и последнюю войну против Карфагена и разрушивший этот город в 146 г. до н. э.; Фабий Максим Квиний, прозванный Кунктором за свою медлительную тактику в войне против карфагенян (в 218 – 201 гг. до н. э.).], ему не хватало мудрецов, которые указали бы их добродетели достойную цель. Когда же блистали его мудрецы, деспотизм уже задушил свою жертву, и во времена всеобщей расслабленности их появление не возымело благотворного действия. Также и греческая добродетель не сохранилась до светлых времён Перикла и Александра, а [...когда Гарун учил мыслить своих арабов... – Гарун аль-Рашид – арабский халиф из династии Аббасидов (786 – 809 гг.). Время его правления совпадает с высшим культурным и экономическим расцветом Калифата.], жар их сердец уже остыл. Новую Европу бдительно охраняя более счастливый гений. Долгие вооружённые распри средних веков дали шестнадцатому веку здоровое, сильное поколение и воспитали могучих бойцов, которые сражаются во имя разума, подъявшего теперь свой стяг.

В каком другом краю Ум воспламенял сердца, а [Или то, что за неё принимали. Едва ли нужно говорить о том, что здесь речь идёт не о добытом материальном благе, а о приложенном усилии; об усердии, а не о вещественном результате. Чем бы ни было то, за что боролись, – всегда это была борьба за разум; ибо лишь путём разума познали право на неё, и только за это право в сущности боролись. (Примеч. автора)] вооружала руку храбрых? Где ещё люди переживали такое чудо, что умозаключения спокойного исследователя превращались в боевой клич смертоубийственных сражений, что голос любви умолкал перед более могучей властью убеждения, что человек, наконец, стал жертвовать самым дорогим ради самого благородного! Наиодобрейшие подвиги греческой

Шиллер Ф. О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках filosoff.org и римской добродетели никогда не возносились выше гражданского долга – никогда или [...лишь один-единственный раз в деянии мудреца, одно имя которого уже является тягчайшим упрёком его веку... – Имеется в виду Сократ (469 – 399 гг. до н. э.), приговорённый к смерти за симпатии к олигархическому правлению.]; наивысшую жертву, какую нация приносила в своё самое героическое время, она приносила отечеству. Только на исходе средних веков можно увидеть в Европе энтузиазм, даже отечеством жертвующий высшему кумиру – разуму. Но почему же только здесь, да и то лишь один-единственный раз, возникает такое явление? Потому что только в Европе, и здесь лишь на исходе средних веков, энергия воли соединилась со светом разума. Только здесь поколение, ещё не утратившее мужества, было отдано в руки мудрости.

На всём протяжении истории мы можем наблюдать, что развитие государств не идёт в ногу с развитием умов. Государства – однолетние растения, отцветающие за одно короткое лето и от полноты соков быстро загнивающие; просвещение – растение медлительное, для созревания нуждающееся в благодатном небе, тщательном уходе и длинном ряде вёсен. Почему же такая разница? Потому что государства вверены страсти, которая находит горючий трут в каждой человеческой груди, просвещение же – разуму, который развивается лишь благодаря посторонней помощи и благодаря тем плодотворным открытиям, которые медленно накапляются временем и случайностями. Как часто одно растение цветёт и увядает, прежде чем другое успевает хоть сколько-нибудь созреть? Как трудно поэтому государствам дождаться такого просветления, чтобы запоздалый разум ещё нашёл раннюю свободу! Только один раз за всю мировую историю провидение поставило перед собой эту проблему, и мы видели, как оно её разрешило. Продолжительной войной средних веков оно поддерживало искру политической жизни в Европе, пока, наконец, не был накоплен материал, чтобы приступить [Свободу и культуру, как ни тесно они связаны друг с другом в своей наивысшей полноте, – только благодаря такой связи и достигая этой наивысшей полноты, – всё же трудно связать в их становлении. Покой – предпосылка культуры, но ничто так не опасно для свободы, как покой. Все утончённые нации древности купили расцвет своей культуры ценою свободы, получив свой покой от угнетения. Именно потому их культура и стала причиной их гибели, что возникла из гибельного. Для того чтобы новое человечество могло обойтись без этой жертвы, то есть для того чтобы свобода и культура могли в нём сочетаться, оно должно было обрести свой покой совершенно иным путём, нежели путь деспотизма. Но не было иного возможного пути, кроме пути законов, а их человек, ещё свободный, может давать себе только сам. Однако на это он решается, только познав и на опыте изведав их пользу или же дурные последствия беззакония. Первое предполагало то, что ещё только должно было совершиться и укрепиться; значит, принудить человека могут только дурные последствия беззакония. Но беззаконие имеет очень малую длительность и быстро приводит к произволу власти. Прежде чем разум изыскал бы законы, анархия уже давно окончилась бы деспотизмом. Таким образом, для того чтобы разум успел дать себе законы, беззаконие должно было затянуться, что и произошло в средние века. (Примеч. автора)].

Только в Европе существуют государства, одновременно просвещённые, нравственно развитые и совсем свободные; в других местах дикость всегда сочетается со свободой и культура – с рабством. Но Европа была единственной и в том, что пробилась сквозь воинственное тысячелетие, и только опустошения в пятом и шестом веках могли породить это воинственное тысячелетие. Не кровь предков, не характер племени избавил наших отцов от ига порабощения, ибо их братья турки и маньчжуры, тоже рождённые свободными, склонили выю перед деспотизмом. Не европейская почва и европейское небо спасли наших отцов от такой судьбы, ибо на той же почве и под тем же небом галлы и бритты, [...этруски и лузитанцы... – Этруски – одно из древнейших итальянских племён, создавшее значительную культуру. Лузитанцы – древнее население юго-западной части Пиренейского полуострова.] сносили ярмо римлян. Меч вандалов и гуннов, беспощадно косивший на Западе, и мощные народы, занявшие опустевшую арену и вышедшие из тысячелетней войны непобеждёнными, – вот создатели счастья, которым мы теперь наслаждаемся; таким образом мы обнаруживаем дух порядка в двух самых страшных явлениях, какие только показывает нам История.

Мне думается, я не должен оправдываться в этом длинном отступлении. Великие эпохи истории переплетены между собой так тесно, что одни не могут быть объяснены без других; и событие крестовых походов – лишь начало решения той загадки, которую задало историку-философи переселение народов.

В тринадцатом веке гений вселенной, творивший во мраке, отдёргивает полог и
Страница 5

Шиллер Ф. О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках filosoff.org показывает часть своей работы. Мутная пелена тумана, тысячу лет заволакивавшая горизонт Европы, редеет в это время, и сквозь неё проглядывает ясное небо. Двойное бедствие духовного единобразия и политического раздора, иерархии и ленной системы, завершённое и исчерпавшее себя на исходе одиннадцатого века, само должно подготовить себе конец в самом чудовищном своём исчадии – безумстве священных войн.

фанатическое рвение взламывает наглухо запертые врата Запада, и взрослый сын выходит из отчего дома. Изумлённо озирается он среди новых народов, радуется у фракийского Босфора своей свободе и мужеству, краснеет в Византии за свой грубый вкус, своё невежество, свою дикость и пугается в Азии своей бедности. О том, что он оттуда взял и принёс домой, свидетельствуют анналы летописи Европы; история Востока, если бы у нас была таковая, поведала бы нам о том, что он за это отдал и оставил. Но не кажется ли, что героический дух франков всё же вдохнул в умирающую Византию кратковременную жизнь? Неожиданно воспряла она, предводительствуемая [Комнины – династия византийских императоров, правившая в 1057 – 1185 гг. (с перерывом 1059 – 1081 гг.).], и, укреплённая кратким пребыванием немцев, отныне более достойным шагом шествует навстречу смерти.

За крестоносцем идёт купец, он сооружает мост; расчётиливая торговля укрепляет и увековечивает связь между Закатом и Восходом, наспех возобновлённую в пьяном угare войны. Корабль, плывущий в [Левант (от итальянского *levante* – восход) – в средние века географическое понятие, охватывающее Ближний Восток и юг Балканского полуострова.], вновь приветствует хорошо знакомые ему воды, и его богатый груз побуждает алкающую Европу к труду. Вскоре она [...сможет обходиться без ненадёжной помощи путеводного Арктура и, с твёрдым руководящим началом в себе... – Арктур – одна из трёх наиболее ярких звёзд Северного полушария. Шиллер намекает ниже на магнитный компас, который стал известен европейцам в XIII в. В Китае компас был известен в глубокой древности.], отважится выйти в никем ещё не посещаемые моря.

Азиатские вожделения европеец приносит с собой на родину, но его леса уже не узнают его, и другие стяги реют над его замками. Обеднев в своём отечестве, ради того чтобы блестать на берегах Евфрата, он, наконец, отрекается от боготворимого им идола своей независимости и своей заносчивой власти и предоставляет рабам выкупать золотом их естественные права. Добровольно протягивает он теперь руку для наложения пут, которые его украшают, но смиряют никогда не смирявшегося. По мере того как прикреплённые к пашне рабы становятся людьми, растёт величие королей; из моря опустошения выходит отвоёванная у нищеты новая плодородная страна – возникает бургерство.

Лишь тот, кто был душой всего начинания и всё христианство заставлял работать для своего возвеличения, – [...римский иерарх... – римский папа.], – видит свои надежды обманутыми. Гонясь за обманчивым миражом на Востоке, он потерял подлинную корону на Западе. Слабость королей была его силой, анархия и междуусобные войны – тем неистощимым арсеналом, откуда он черпал свои громы. Он и теперь ещё мечет их, но ему уже противостоит укрепившееся могущество королей. Никакие отлучения, никакие [Интердикт – запрещение отправлять церковные богослужения и обряды, налагавшееся римским папой в виде наказания.], препродающие доступ в рай, никакое освобождение от священного долга – ничто не разорвёт плодотворных связей, соединяющих подданного с его законным повелителем. Бессильный гнев папы римского тщетно враждует с временем, которое воздвигло ему трон, а теперь свергает его! Суеверием порождено было это пугало средневековья, и взрастили его раздоры. Быстро и грозно поднялось оно в одиннадцатом веке, как ни слабы были его корни, – подобного не видела никакая эпоха. Но кто мог бы подумать о враге священной свободы, что он послан свободе в помощь? Когда разгорелась борьба между королями и дворянством, он бросился между неравными бойцами и до тех пор задержал опасное решение, пока в лице третьего сословия не вырос ещё более сильный боец, чтобы сменить создание минуты. Всормленный распрями, он теперь чахнет среди порядка; порождение мрака, он тает на свету. Но исчез ли некогда [...]диктатор, поспешивший на помощь изнемогавшему Риму против Помпея? – Имеется в виду Юлий Цезарь, разгромивший Помпея в битве при Фарсале в 48 г. до н. э.] Или Писистрат, разъединивший партии в Афинах? Рим и Афины из гражданской войны переходят к рабству, новая Европа – к свободе. Почему же Европа была счастливее? Потому что здесь преходящий призрак произвёл то, что там было совершено длительной властью; потому что только здесь нашлась рука, достаточно мощная, чтобы воспрепятствовать

Шиллер Ф. О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках filosoff.org
угнетению, но слишком слабая, чтобы самой осуществлять его.

Как не похоже то, что человек сеет, на жатву, ниспосылаемую ему судьбой! Стремясь приковать Азию к ступеньке своего престола, святой отец обрекает мечу [Сарацины – у античных авторов наименование населения южной Аравии. В средние века сарацинами называли всех последователей ислама.] миллион своих доблестных сынов, но вместе с ними он лишает свой трон в Европе самых прочных его устоев. О новых правах и о завоевании новых корон мечтает дворянство, но более покорные сердца приносит оно, возвратясь, к ногам своих повелителей. Прощения грехов и радостей рая ищет паломник у гроба Господня, и ему одному даётся больше, нежели было обещано. В Азии он вновь обретает человечность и привозит из этой части света своим европейским братьям семя свободы – приобретение бесконечно более важное, чем ключи Иерусалима или гвозди от креста Господня.

Для того чтобы уяснить себе истоки этого начинания и понять, почему оно оказалось столь благотворным, необходимо в кратком обзоре осветить состояние европейского мира в ту эпоху и указать ту ступень, на которой стоял разум человеческий, когда он позволил себе это странное излишество.

Европейский Запад, хотя и разделённый на множество государств, являет в одиннадцатом веке весьма единообразное зрелище. Он был целиком захвачен народами, во времена своего поселения стоявшими приблизительно на одной ступени общественного развития, имевшими в общем одни и те же племенные черты и при овладении страной находившимися в одинаковом положении; поэтому существенные различия между пришельцами могли с течением времени обнаружиться лишь в том случае, если бы места, где они расселились, заметно разнились между собой. Однако одинаковая ярость опустошения, которой эти народы сопровождали свои завоевания, совершенно уравнивала между собой столь различно населённые и столь различно возделанные страны, бывшие ареной этих событий, ибо покорители равно растаптывали и истребляли всё, что они здесь находили, и почти без остатка уничтожили всякую связь между новым состоянием этих стран и тем, в каком они пребывали раньше. Если сам климат, свойства почвы, соседство, географическое положение и создавали заметную разницу, если сохранившиеся следы римской культуры в южных землях, влияние более образованных арабов в юго-западных, постоянное пребывание главы церкви в Италии и частое общение с греками в той же стране не могли остаться без последствий для жителей, то всё же воздействие этих обстоятельств было слишком незаметным, слишком медленным и слабым, чтобы вытравить или сильно изменить прочный, общий всем этим народам склад, который они принесли с собой в новые места обитания. Вот почему тот, кто изучает историю, обнаруживает в самых отдалённых уголках Европы – в Сицилии и в Британии, на Дунае и [...на Эйдере, на Эбро... – Эйдер – река на юге Ютландского полуострова; Эбро – река на Пиренейском полуострове, впадает в Средиземное море.] и на Эльбе – в общем, единообразие правления и обычая, изумляющее его тем более, что оно наблюдается наряду с полной взаимной независимостью этих стран и почти полным отсутствием сношений между ними. Сколько веков не прошло над этими народами, какие великие перемены не могли быть вызваны и действительно были вызваны в их внутреннем состоянии столькими новыми обстоятельствами, новой религией, новыми языками, новыми искусствами, новыми предметами вожделения, новыми удобствами и наслаждениями жизни, – в целом ещё сохранилось государственное устройство, созданное их предками. Как на своей скифской родине, живут они в разных странах Европы в дикой вольности, готовые и к нападению и к защите, словно в большом военном лагере. И на это обширное поле политических действий пересадили они своё варварское государственное право, в христианство внесли свои северные суеверия.

Монархии римского и азиатского образца и республики, подобные греческим, равно исчезли со сцены новых событий. Их место заняли солдатские аристократии, монархии без повиновения, республики без прочного существования и даже без свободы, большие государства, раздробленные на сотни мелких, лишённые согласия в своих пределах, без силы и защиты вовне, плохо связанные внутренне и ещё хуже – между собой. Мы находим королей, противоречивую помесь варварских военачальников и римских императоров, причём один из них носит это звание, но без полноты этой власти; магнатов, по действительной силе и притязаниям везде одинаковых, хотя и различно называемых в разных странах; властвующих мирским мечом священников; государственное ополчение, которым государство не повелевает и которого оно не оплачивает; наконец земледельцев, принадлежащих к земле, которая не принадлежит им; дворянство и духовенство, людей полусвободных и крепостных.

Шиллер Ф. О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках filosoff.org
Самоуправляющимся городам и свободным горожанам ещё предстояло появиться.

Чтобы разъяснить этот изменившийся облик европейских государств, мы должны вернуться к ещё более далёкому прошлому и проследить их происхождение.

Когда северные народы овладели Германией и Римской империей, эти народы состояли из одних свободных людей, которые по своей доброй воле присоединились к союзу, сплотившемуся для завоевательных целей и при равном участии в трудах и опасностях войны имели равное право на земли, бывшие наградой в этих походах. Отдельные дружины повиновались приказам своего правителя; несколько дружин – военачальнику или князю, возглавлявшему войско. Таким образом, при равной свободе существовали три разряда или звания, и в зависимости от этого звания, а быть может, и от проявленной доблести, назначались и доли при дележе людей, добычи и земель. Каждый свободный получал свою долю, предводитель дружины – большую, а военачальник – самую большую. Но свободны, как и сами их обладатели, были эти блага, и то, что было кому-либо выделено, оставалось за ним навек, при полной независимости. Это была награда за его труды; услуга, дававшая ему право на неё, уже была оказана.

Меч должен был защищать то, что меч завоевал, а защищать добытое каждый в отдельности был так же мало способен, как не мог бы он в одиночку добыть то, что ему досталось. Поэтому военный союз и в мирное время не мог распадаться; предводители отрядов и военачальники оставались ими, а случайное временное объединение орд теперь становилось оседлым народом, который в случае необходимости мог подняться, готовый к бою, как во времена его воинственного вторжения.

Неотделима от всякого земельного владения была обязанность являться в войско, то есть в надлежащем вооружении и со свитой, соразмерной величине земельного надела, присоединяться к общему союзу, защищавшему всю страну; обязанность, скорее приятная и почётная, нежели обременительная, ибо она отвечала воинственным наклонностям этих народов и с ней были сопряжены важные преимущества. Имение и меч, свободный человек и копьё считались неразрывно связанными.

Однако завоёванные земли не были пустынёй, когда ими завладели. Как жестоко ни свирепствовал там меч этих варварских завоевателей и их предшественников – вандалов и гуннов, они всё же не могли полностью истребить исконных обитателей страны. Таким образом, многие из них стали предметом раздела, учинённого теми, кто завладел имуществом и землями жителей. Им суждено было обрабатывать, на положении крепостных рабов, ту землю, которой они раньше владели как собственники. Такая же участь постигла и многочисленных военнопленных, которых наступавшие полчища захватили в своих походах и потом, обратив в рабство, таскали за собой. Население состояло теперь из свободных и рабов, из собственников и людей, ставших чужой собственностью. Это второе сословие не имело имущества, и, следовательно, ему нечего было защищать. Поэтому оно и не носило меча, а в политических делах не имело голоса. Меч давал дворянство, ибо владение мечом свидетельствовало о свободе и о наличии собственности.

Земли не были разделены поровну потому, что дело решал жребий, и потому, что предводитель отряда забирал себе большую долю, чем простой воин, а военачальник – большую, нежели все остальные. Таким образом, он имел дохода больше, чем тратил, то есть излишек, и, стало быть, возможность жить в роскоши. Стремления народов-завоевателей сводились к боевой славе, поэтому и роскошь должна была проявляться на военный лад. Окружать себя отборными воинами и, возглавляя их, внушать страх соседу, было высшей целью, к которой устремлялись честолюбцы тех времён; многочисленная воинская свита была блестательнейшим свидетельством богатства и власти, и притом вернейшим средством увеличить и то и другое. Поэтому наилучшим употреблением, какое можно было найти для избытка земельных владений, было приобретение соратников, которые могли окружить своего вождя блеском, помогать ему защищать своё добро, мстить за нанесённые ему обиды и на войне сражаться бок о бок с ним. Из этих побуждений вождь и князь выделяли некоторую часть своих земель и уступали пользование ими другим, менее состоятельным землевладельцам, которые взамен принимали на себя обязательство оказывать определённые воинские услуги, не имевшие ничего общего с защитой государства и касавшиеся только особы того, кто жаловал земли. Когда он переставал нуждаться в таких услугах или лицо, получившее землю, больше не могло их оказывать, прекращалось и пользование землями, непременным

Шиллер Ф. О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках filosoff.org условием которого были эти услуги. Следовательно, распределение земель было условным и времененным. Оно опиралось на договоры, заключённые на определённое число лет или же пожизненно, – и тогда их расторгла только смерть. Поместье, отданное таким образом, называлось «благодеянием» (*Beneficium*) в отличие от «свободного поместья» (*Allodium*), которым владели не по милости другого, не на особых условиях, не временно, а по праву, на вечные времена, без каких-либо тягот, кроме воинского долга. «Feudum» назывались временные владения на латыни тех времён, быть может, потому, что получавший их [...]обязан был верностью (*Fidem*)... – Слово «феод» (*Feudum*) в современной науке объясняется как производное от древнегерманского – *feoh*, что означает скот. Скот у древних германцев служил средством обмена.] тому, кто их давал; [...]по-немецки они именовались «*Lehen*», потому что их давали временно... – Глагол *Lehen* означает по-немецки – одолживать, ссужать.] (лен), потому что их давали временно, а не навсегда. Временно отдавать землю мог всякий, владевший собственностью; отношения между ленным господином и вассалом не могли быть нарушены никакими другими отношениями. Случалось, что и короли брали лены у своих подданных. Полученные на таких началах земли можно было передавать дальше, и вассал одного сюзерена мог в свою очередь стать сюзереном другого. Однако высшая ленная власть первого владельца земли распространялась на весь, сколь угодно длинный, ряд вассалов. Так, например, ни один крепостной крестьянин не мог быть отпущен на свободу своим непосредственным господином без соизволения верховного феодала.

Когда вместе с христианством среди новых европейских народов были введены и христианские церковные установления, – епископы, капитулы соборных церквей и монастыри очень скоро нашли способы обращать себе на пользу суеверия народа и щедрость королей. Церкви богато одаривались, и значительные имения часто разделялись для того, чтобы в числе наследников владельца числился святой покровитель какого-либо монастыря. Никто не сомневался в том, что одаривает бога, обогащая его служителей. Но и духовных особ не освобождали от условия, связанного с любым земельным владением: как и все другие, они по первому зову должны были выставлять достаточный отряд, и мирские власти требовали, чтобы первые в иерархии были и первыми на поле. Поскольку всё подаренное церквам уступалось им навек и безвозвратно, церковные владения этим отличались от ленов, владений временных, по истечении срока возвращавшихся в руки сюзерена. Но, с другой стороны, они всё же приближались к ленам, не переходя, подобно аллодам, от отца к сыну, так как при кончине очередного владельца в свои права вступал государь и, наделяя леном епископа, осуществлял свою верховную власть. Поэтому о церковных владениях можно было бы сказать, что они были аллодами в отношении самих поместий, никогда не возвращаемых, и бенефициями в отношении очередного владельца, которого определяло к тому не рождение, а выбор. Он получал землю путём наделения леном, а пользовался ею как аллодом.

Существовал ещё четвёртый вид владений, которые даровались как лен и также влекли за собой ленные обязательства. Полководцу, которого теперь как постоянного хозяина земли можно назвать королём, принадлежало право ставить над народом начальников, разрешать споры или назначать судей и поддерживать общий порядок и спокойствие. Это право и эта обязанность после прочного вдоворения на новых местах остались за ним и в мирное время, так как народ всё ещё сохранял своё военное устройство. В силу этого он назначал областных правителей, делом которых также было предводительство над войском, выставляемым в поле этой областью; а так как он не мог сам вершить суд и разрешать споры одновременно в разных местах, то ему приходилось «умножаться», то есть действовать в разных округах через уполномоченных, осуществлявших там его именем верховную судебную власть. Так он сажал герцогов в провинции, маркграфов в пограничные области, графов в области, сотников в меньшие округа и т. д.; и эти высокие должности, подобно землям, отдавались в лен. Они так же мало подлежали наследованию, как ленные владения, и, подобно последним, государь мог передать их от одного другому. На таких же основаниях, как эти должности, отдавались в ленном порядке некоторые сборы – пени, пошлины и т. д.

Тем же, чем король в государстве, было высшее духовенство в своих владениях. Владение землей обязывало духовных сановников к воинской и судебной службе, которые плохо совмещались с достоинством и чистотой их призыва. Это вынуждало их передавать такие дела другим, взамен предоставляемые им пользование определёнными земельными участками, получение судебных пошлин и других сборов, то есть, на языке того времени, отдавая эти доходы в лен. Архиепископ, епископ или аббат были поэтому в своей

Шиллер Ф. О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках filosoff.org
области тем же, что король в государстве. Такая духовная особа имела своих
управителей, или фогтов, своих чиновников и вассалов, свои трибуналы и свою
казну. Даже короли не считали ниже своего достоинства становиться ленниками
своих епископов и прелатов, которые не преминули истолковать это как знак
превосходства, подобающего клиру над мирянами. Не удивительно, что позже и
папы додумались жаловать того, кого они делали императором, званием своего
фогта.

Эти мнимые противоречия разрешаются, если вспомнить [...]о двойственном положении королей как баронов... – то есть держателей земли.] и в то же время глав своих государств.

Герцоги, маркграфы, графы, которых король назначал в провинции в качестве военачальников и судей, нуждались в известной мощи для успешной защиты своих провинций от внешнего врага, для поддержания своего авторитета перед лицом своевольных баронов, для придания веса своим судебным решениям и для того, чтобы в случае строптивости с оружием в руках приводить непокорных к повиновению. Однако одно лишь назначение на высокую должность ещё не давало могущества, о нём чиновник короля должен был сам позаботиться. Это обстоятельство преграждало путь к подобным постам всем менее имущим свободным людям и делало их доступными только для наизнаннейших баронов, достаточно богатых аллодами и способных выставить в поле достаточное число вассалов, чтобы держаться своими силами. Это было особенно нужно в тех странах, где существовало могущественное и воинственное дворянство, и необходимо на границах. Это становилось всё более необходимым от столетия к столетию; по мере того как падение королевского авторитета приводило к анархии, вспыхивали междуусобные войны и безнаказанность подстрекала к разбою. Поэтому и духовенство, преимущественно подвергавшееся этим разбойным нападениям, выискивало себе фогтов-защитников и вассалов среди могущественных баронов.

Таким образом, высшие вассалы короны одновременно были богатыми баронами или землевладельцами и сами уже имели подчинённых им вассалов, вооружённой рукой которых они могли располагать. Они были одновременно ленниками короны и сюзеренами тех, кому сами жаловали лены. Первое делало их зависимыми, тогда как второе питало в них дух произвола. В своих поместьях они были неограниченными властителями; в пожалованных им ленах у них были связаны руки. Поместья переходили по наследству от отца к сыну, тогда как лены после смерти отца возвращались в руки сюзерена. Такие противоречивые отношения не могли долго держаться. Могущественный вассал короны стал проявлять стремление приравнять свой лен к аллоду, распоряжаться там неограниченно, как и здесь, и завещать то владение, как и это, своим потомкам. Вместо того чтобы представлять в герцогстве или графстве короля, он желал представлять самого себя и располагал для этого опасными средствами. Источники, из коих он черпал в своих многочисленных аллодах, воинственная рать, которую он мог набрать из своих вассалов и которая давала ему возможность быть на своём посту полезным королевской власти, – всё это превращало его в столь же опасное, сколь и ненадёжное орудие этой власти. Если он владел многими аллодами в области, которая была ему дана в лен или в которой он занимал высокую судейскую должность (по этой причине ему главным образом и вверялся лен), то большинство свободных людей, живших в этой области, обычно находилось в зависимости от него. Они либо получали от него землю в качестве лена, либо вообще должны были остерегаться могущественного соседа, способного повредить им. Как судья их раздоров, он тоже часто держал их благополучие в своих руках, а как наместник короля мог угнетать их и расправляться с ними. И если короли частыми объездами земель или выполнением своих полномочий верховных судей и тому подобными действиями не напоминали о себе народу (под этим именем всегда следует понимать способных к ношению оружия свободных людей и мелких землевладельцев) или если им препятствовали в этом какие-либо походы, то знатные владельцы наследственных земель неминуемо должны были представляться свободным людям высшей властью – источником как притеснений, так и благоденствий. А так как вообще во всякой системе многоступенчатого подчинения ближайший нажим всегда ощущается сильнее всего, то высшее дворянство очень скоро должно было приобрести огромное влияние на низшее, следствием чего был переход в руки высшей знати той доли власти, которая принадлежала низшему дворянству. Поэтому, если между королём и вассалом возникала распря, вассал в гораздо большей мере мог рассчитывать на поддержку своих ленников, и это давало ему возможность перечить королю. Поздно, да и слишком опасно, было теперь отнимать у такого вассала или у его наследника лен, который он в случае нужды мог отстоять соединёнными

Шиллер Ф. О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках filosoff.org
силами всей области. Таким образом, монарху приходилось быть довольным, если ставший слишком сильным вассал оставлял ему тень высшей феодальной власти и соизволял принять от него в лен владение, которое уже захватил самовольно. То, что сказано здесь о вассалах короны, относится также к чиновникам и ленникам высшего духовенства. Последнее было в одном положении с королями в том отношении, что сильные бароны шли к нему в ленники.

Так незаметно из пожалованных должностей и отданных в лен земель образовывались наследственные владения, и вассалы, сохранившие лишь видимость этого звания, становились подлинными владельцами. Многие лены и должности стали наследственными из-за того, что причина, побудившая пожаловать лен отцу, сохраняла силу при сыне и при внуке. Если, например, германский король жаловал саксонскому вельможе Саксонское герцогство потому, что тот уже владел в этой области богатыми аллодами и, следовательно, имел наилучшую возможность её защищать, то это относилось и к сыну этого вельможи, наследовавшему эти аллоды. Повторяясь несколько раз подряд, это явление входило в обычай, который без особого повода и без открытого применения силы уже нельзя было нарушить. Правда, и в более поздние времена не было недостатка в примерах отобрания ленов, но летописцы упоминают о таких случаях явно лишь как об исключениях из правила. Нужно далее упомянуть ещё о том, что это изменение рано или поздно последовало в разных странах более или менее повсеместно.

Но после того как лены выродились в наследственные владения, неминуемо должна была наступить значительная перемена в отношениях между сувереном и его дворянством. Пока суверен брал назад ставший вакантным лен, чтобы отдать его вновь по своему произволу, низшее дворянство часто получало напоминания о троне, и связь, соединявшая мелкого дворянина с его непосредственным сузереном, сплеталась менее прочно, ибо произвол монарха и каждая смерть вновь разрывали её. Но когда стало обычным делом, что сын наследует от отца и его лен, вассал знал, что, выказывая преданность своему непосредственному господину, работает на своё потомство. Таким образом, по мере того как связь между могущественными вассалами и короной ослабевала, связь между теми же вассалами и их подчинёнными становилась всё теснее. Дошло до того, что крупные лены были связаны с короной единственно лишь особой вассала, а он иногда очень долго заставлял себя просить, прежде чем оказывал услугу, обязательную для него по его положению.

© Перевод с немецкого Д. Горфинкеля, 19??

Авторские примечания

Или то, что за неё принимали. Едва ли нужно говорить о том, что здесь речь идёт не о добытом материальном благе, а о приложенном усилии; об усердии, а не о вещественном результате. Чем бы ни было то, за что боролись, – всегда это была борьба за разум; ибо лишь путём разума познали право на неё, и только за это право в сущности боролись. (Примеч. автора)

Свободу и культуру, как ни тесно они связаны друг с другом в своей наивысшей полноте, – только благодаря такой связи и достигая этой наивысшей полноты, – всё же трудно связать в их становлении. Покой – предпосылка культуры, но ничто так не опасно для свободы, как покой. Все утончённые нации древности купили расцвет своей культуры ценою свободы, получив свой покой от угнетения. Именно потому их культура и стала причиной их гибели, что возникла из гибельного. Для того чтобы новое человечество могло обойтись без этой жертвы, то есть для того чтобы свобода и культура могли в нём сочетаться, оно должно было обрести свой покой совершенно иным путём, нежели путь деспотизма. Но не было иного возможного пути, кроме пути законов, а их человек, ещё свободный, может давать себе только сам. Однако на это он решается, только познав и на опыте изведав их пользу или же дурные последствия беззакония. Первое предполагало то, что ещё только должно было совериться и укрепиться; значит, принудить человека могут только дурные последствия беззакония. Но беззаконие имеет очень малую длительность и быстро приводит к произволу власти. Прежде чем разум изыскал бы законы, анархия уже давно окончилась бы деспотизмом. Таким образом, для того чтобы разум успел дать себе законы, беззаконие должно было затянуться,

Шиллер Ф. О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках filosoff.org
что и произошло в средние века. (Примеч. автора)

Комментарии

Новая система общественного устройства... – Имеется в виду феодальный строй.

...вандалов, свевов, аланов, готов, герулов, лангобардов... – Вандалы – восточно-германское племя, обитавшее по Одру. Во II в. вандалы начинают продвигаться на юг, в 174 г. они были расселены императором по Дунаю, в римской провинции Дакии. В тридцатых годах IV в., вытесненные отсюда вестготами, они перешли на запад в Папиалию, а затем под напором гуннов в Галлию и далее совместно с аланами и свевами в Испанию. Отсюда, снова вытесненные вестготами, вандалы во главе с королём Гейзерихом переправились в 429 г. в Африку. В 439 г. ими был взят Карфаген, в 455 г. захвачен и разграблен Рим, при этом было уничтожено большое количество памятников культуры. Неистовства вандалов во время их двухнедельного пребывания в Риме стали нарицательными – отсюда самое слово «вандализм». Созданное вандалами в Северной Африке государство пало в 533 г. под ударами византийских войск. Свевы – собирательное название германских племён, обитавших между Эльбой и Одером. В начале V в. вторглись вместе с аланами и вандалами на Пиренейский полуостров. Аланы – северокавказское племя, предки современных осетин. В IV в. аланы были покорены гуннами и приняли участие в походах последних. Часть аланов в начале V в. вторглась совместно с вандалами и свевами в Испанию, а затем переправилась в Африку. Готы – группа восточнонемецких племён, утвердившаяся в III в. в Северном Причерноморье. Готские племена, осевшие по Днестру, получили название вестготов (западных готов), а по Днепру – остготов (восточных готов). Остготы были в 375 г. разбиты гуннами; часть остготов покорилась гуннам, другая их часть переселилась в Паннонию к северу от Дуная. Вестготы, теснимые гуннами, перешли в 376 г. через Дунай и переселились в римской провинции Мезии. Они возглавили ряд восстаний варваров и рабов против Рима; в 410 г. вестготы, возглавляемые Аларихом, взяли Рим. Вскоре, однако, вестготы покинули пределы Италии и основали в 419 г. в Аквитании (юго-западная часть Галлии между реками Луарой и Гаронной) первое варварское государство. В середине V в. вестготы завладели Испанией, вытеснив отсюда вандалов и аланов. Только северо-западная часть Испании осталась в руках свевов, основавших здесь своё государство. В 493 г. остготы основали в Италии своё государство; в 554 г. остготское государство было разгромлено византийскими войсками. Герулы – одно из северных германских племён, в III в. совместно с готами переселились в Причерноморье, а затем в Паннонию. Лангобарды – германское племя, обитавшее в устье Эльбы. К VI в. лангобарды продвинулись на юг в Паннонию, где соединились с герулами и племенем рушев. В 568 г. лангобарды завоевали Северную Италию и основали здесь королевство (отсюда название Ломбардия). Лангобардское государство было разгромлено в конце VIII в. франками и присоединено к державе Карла Великого (768 – 814).

...но дух странствий и разбоя, приведший их в это новое отечество, опять пробудился в них на исходе одиннадцатого века... – Имеются в виду крестовые походы, начавшиеся в 1096 г. и окончившиеся в 1270 г.

...завоевать в Сирии всего лишь несколько городов и замков, которые двести лет спустя им суждено было потерять вновь – и навсегда... – Завоевания крестоносцев в Азии достигали наибольших размеров в середине XII в. и занимали прибрежную полосу Сирии и Палестины, простираясь в некоторых пунктах вглубь страны. На этой территории были расположены государства крестоносцев: королевство Иерусалимское, княжество Антиохия, графство Триполи и графство Эдесса (образованное частично на армянских землях). Уже к концу XII в. эти владения сильно сократились. Последняя крепость крестоносцев – Акра пала в 1289 г.

...даже в самую блестательную свою эпоху нация никогда не возвышалась до создания превосходных людей... – Здесь нашли отражение ошибочные взгляды Шиллера на развитие человеческого общества в форме наций, как на пройденный этап в истории.

...горсточка его греков исчезла среди миллионов великого царя... – Дария III Кодомана (336 – 330 гг. до н. э.), держава которого была разгромлена греко-македонскими армиями. Хотя армия завоевателей действительно растворилась в местном населении, однако греческое завоевание оставило заметный след в истории покорённых стран. Держава Александра распалась после его смерти (323 г. до н. э.), и на её территории возникли новые, так называемые эллинистические государства с экономикой и культурой, значительно отличавшимися от предшествующей эпохи.

...орды маньчжуров незаметно затерялись в необъятном Китае... – Имеется в виду завоевание Китая маньчжурами в XVII столетии. В начале XVI в. маньчжурские племена, занимавшиеся главным образом охотой и скотоводством, были ещё разрознены. В роли объединителя страны выступил крупный местный феодал Нурхаци (1559 – 1626). Создав объединённую так называемую «восьмизнамённую» армию, Нурхаци начал борьбу против Китая. В этот период в Китае ширилось антифеодальное движение китайского крестьянства, вылившееся в мощное народное восстание. В 1644 г. повстанцы под руководством Ли Цзы-ченя овладели Пекином и свергли династию Мин. Преемник Нурхаци – Абахай, воспользовавшись помощью китайских феодалов, предавших родину, нанёс поражение Ли Цзы-ченю, овладел Пекином и объявил себя в 1644 г. китайским императором. Его преемники (династия Цин) правили Китаем до 1911 г. Войска маньчжур были размещены в важнейших пунктах и пограничных крепостях Китая. Маньчжуры, стоявшие на более низкой ступени развития, не оказали почти никакого влияния на развитие страны и вскоре были ассимилированы местным населением.

Разворзается скифская пустыня и извергает на западные страны суровое племя... – Скифией античные авторы называли Причерноморские и Приазовские степи. В середине IV в. за Доном сложился большой союз племён во главе с племенем кочевников монгольского происхождения – гуннов (китайское название – хунну). В 375 г. гунны разгромили остготов и двинулись на Европу. Их продвижение сопровождалось невиданными жестокостями и наносило непоправимый ущерб экономике древних земледельческих народов. В 451 г. римский полководец Аэций нанёс гуннам, предводительствуемым Атиллой, поражение на Каталаунских полях (нынешняя Шампань). После смерти Атиллы в 453 г. гуннский союз распался.

Неизменный, словно он всё ещё на салической почве, и не соблазняемый дарами, которые подносит ему покорённый римлянин, франк остаётся верен законам, давшим ему победу... – Салическими франками назывались племена, обитавшие по нижнему течению Рейна. Салический закон (*Lex salica*), или «Салическая правда», – запись на латинском языке судебных обычаев франков. Держава франков достигла наибольшего могущества при Карле Великом (768 – 814).

И горе преемнику какого-нибудь Клодиона, если он на властительском подиуме Траяна возомнит себя Траяном! – Клодион (ум. около 447 г.) – один из вождей франкских племён. Траян – римский император в 98 – 117 гг. Подиум – подножие императорской ложи.

Когда Рим ещё рождал Сципионов и Фабиев... – Знатные патрицианские роды. Их наиболее видные представители: Публий Корнелий Сципион Африканский Старший, разгромивший карфагенян в битве при Заме в 202 г. до н. э.; Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший – крупный полководец, выигравший третью и последнюю войну против Карфагена и разрушивший этот город в 146 г. до н. э.; Фабий Максим Квиний, прозванный Кункторатором за свою медлительную тактику в войне против карфагенян (в 218 – 201 гг. до н. э.).

...когда Гарун учил мыслить своих арабов... – Гарун аль-Рашид – арабский халиф из династии Аббасидов (786 – 809 гг.). Время его правления совпадает с высшим культурным и экономическим расцветом Калифата.

Шиллер Ф. О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках filosoff.org ...лишь один-единственный раз в деянии мудреца, одно имя которого уже является тягчайшим упрёком его веку... – Имеется в виду Сократ (469 – 399 гг. до н. э.), приговорённый к смерти за симпатии к олигархическому правлению.

...этруски и лузитанцы... – Этруски – одно из древнейших итальянских племён, создавшее значительную культуру. Лузитанцы – древнее население юго-западной части Пиренейского полуострова.

Комнины – династия византийских императоров, правившая в 1057 – 1185 гг. (с перерывом 1059 – 1081 гг.).

Левант (от итальянского Levante – восход) – в средние века географическое понятие, охватывающее Ближний Восток и юг Балканского полуострова.

...сможет обходиться без ненадёжной помощи путеводного Арктура и, с твёрдым руководящим началом в себе... – Арктур – одна из трёх наиболее ярких звёзд Северного полушария. Шиллер намекает ниже на магнитный компас, который стал известен европейцам в XIII в. В Китае компас был известен в глубокой древности.

...римский иерарх... – римский папа.

Интердикт – запрещение отправлять церковные богослужения и обряды, налагавшееся римским папой в виде наказания.

...диктатор, поспешивший на помощь изнемогавшему Риму против Помпея? – Имеется в виду Юлий Цезарь, разгромивший Помпея в битве при Фарсале в 48 г. до н. э.

Сарацины – у античных авторов наименование населения южной Аравии. В средние века сарацинами называли всех последователей ислама.

...на Эйдере, на Эбро... – Эйдер – река на юге Ютландского полуострова; Эбро – река на Пиренейском полуострове, впадает в Средиземное море.

...обязан был верностью (Fidem)... – Слово «феод» (Feudum) в современной науке объясняется как производное от древнегерманского – feoh, что означает скот. Скот у древних германцев служил средством обмена.

...по-немецки они именовались «Lehen», потому что их давали временно... – Глагол Lehen означает по-немецки – одолживать, ссужать.

...о двойственном положении королей как баронов... – то есть держателей земли.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!